

А. П. Чеховъ въ 1884 году.

Памяти Чехова.

Я написалъ этотъ подзаголовокъ и задумался по поводу него.

«Памяти Чехова!»

Это не выражаетъ и не суммируетъ того, что хотѣлось бы сказать о Чеховѣ.

Можетъ быть: «Свѣтлой памяти».

Можетъ быть: «Безконечно дорогой памяти».

Когда говоришь о Чеховѣ, вспоминаешь, пишешь о немъ, хочется быть прежде всего нѣжнымъ.

Изъ всѣхъ писателей нашихъ, Чеховъ больше всего имѣетъ какое-то свое, особенное право, не оспариваемое никѣмъ, на чрезвычайную нѣжность къ нему.

Чеховъ—одинъ изъ самыхъ сокровенныхъ уголковъ нашего сердца.

Реликвія.

Если литература есть, вообще, храмъ, то Чеховъ—одинъ изъ любимыхъ приделовъ храма.

Придѣлъ, потонувшій въ полумракѣ, съ мечтами, съ молитвеннымъ настроеніемъ

Въ такихъ приделахъ лучше и глубже можно молиться, чѣмъ среди храма.

Въ этихъ приделахъ молитвы пламеннѣе звучатъ, скорѣе достигаютъ неба и успокаиваютъ скорбь души.

Чеховъ—это вечеръ въ храмѣ.

Тихая молитва.

Угасающій день.

День былъ полонъ тревогъ и сомнѣній, и ненужной суеты.

Вотъ онъ уходитъ въ вѣчность.

Набѣгаютъ вечернія тѣни.

Теплятся въ углахъ лампы.

Пасть ницъ, забыться, мечтать о невозвратномъ прошломъ, объ уходящемъ, пожалуй, тихо заплакать, какъ, незамѣтно стереть набѣжавшую слезу.

Хотѣть вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшаго и утѣшающаго, но какъ хотѣть!

Не бурно, не требуя, но только горю себя въ мечтахъ:

Можетъ быть, оно улыбнется. Можетъ быть, оно засіяетъ.

А если засіяетъ, то не при звукахъ фанфаръ, нѣтъ, нѣтъ! А тихо, робко, душевно и незамѣтно, такъ незамѣтно, какъ незамѣтны для насъ первые еще неясныя трепещущія звѣзды на наступающемъ вечернемъ небѣ.

Не столько факты, сколько иллюзіи.

Не столько факты, сколько возможность ихъ.

Уже и теперь Чеховъ для насъ почти какъ легенда.

Будетъ время, когда онъ станетъ совсѣмъ нашей легендой, сладостной молитвой, первой и послѣдней мечтой объ угасшей красотѣ и красотѣ идущей, ожидаемой всѣми и не приходящей.

Сегодня, поистинѣ, трогательный день въ Таганрогѣ.

Если на одну чашу вѣсовъ положить все то, что будетъ дѣлать сегодня вся Россія, отъ Государственной Думы до послѣдней конторы и послѣдняго служащаго, а на другую чашу положить этотъ трогательный чеховскій день,—то онъ своимъ духовнымъ смысломъ, ароматомъ своего содержанія, чистотою своихъ помысловъ, своей тонкою аллегоріей перевѣситъ ту первую чашу, столь огромную, столь суетливую и столь, можетъ быть, ненужную.

Такъ часъ молитвы для насъ является во сто кратъ дороже и цѣннѣе цѣлыхъ дней суетливаго и шумнаго базара.

И потомъ, совсѣмъ не нужно быть мистикомъ для того, чтобы глубоко утверждать своимъ сердцемъ, что этотъ день поимокъ, имѣетъ особенную прелесть въ томъ, что онъ въ Таганрогѣ, какъ равно утверждать, что Чеховъ не отдѣлимъ отъ Таганрога.

Представьте себѣ для параллели Роденбаха безъ Брюгге. Да? Неправда-ли, это было бы странно?

Дѣтство и юность Чехова протекли въ Таганрогѣ.

Его первые впечатлѣнія складывались здѣсь.

Здѣсь формировался первоначальный міръ его идей.

Между Таганрогомъ и Чеховымъ—большая духовная общность.

Таганрогъ—городъ аллегорій.

Нѣтъ лучшихъ лирическихъ часовъ, чѣмъ здѣсь, въ этомъ городѣ, когда въ вечерніе часы затихаетъ его жизнь, столь несуетливая и днѣмъ.

Когда тѣни наступающей ночи бѣгутъ по Таганрогу, въ сумеркахъ города начинаютъ бродить несущест-

влепныя мечты и воспоминашя о прошломъ.

Ни надъ однимъ городомъ, кажется, не горятъ такъ загадочно о чемъ-то тоскующія и чего-то ожидающія звѣзды, какъ въ Таганрогѣ.

Онѣ здѣсь особенно трепещутъ, зовутъ къ себѣ, напоминаютъ, пробуждаютъ забытыя грезы, манятъ, обѣщаютъ несбыточное, и тихо и медленно гаснутъ къ разсвѣту.

Или звѣзды здѣсь такія-же, какъ вездѣ, но онѣ окутаны для насъ флеромъ Чехова?

А это Азовское море, такое блѣдное, акварельное, мечта предразсвѣтная и мечта вечерняя, море, —

элегія, море—вдохъ?

Въ шумныхъ городахъ не мечтается.

Тамъ совсѣмъ другія звѣзды и иное небо. Тамъ не мѣсто элегіи.

Она, смущенная, бѣжитъ отсюда въ тихія улицы тихихъ городовъ, или бродитъ по берегамъ пустынныхъ волнъ.

Сегодня въ Таганрогѣ глубоко трогательный день.

День поминокъ Чехова.

День элегіи, у которой дрожатъ слезы на рѣсницахъ.

И вечеръ элегіи съ дрожащими въ небѣ звѣздами—алмазами.

ЛОЗ НГРИНЪ.